

тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом“);¹ обычная в некрологе прямая характеристика покойного князя стала явно перерастать в типичную житийную „похвалу“ со всеми ее аксесуарами (риторические обращения к покойному, экскурсы в его биографию и пр.). Обрамляющая повесть об убийстве Андрея Боголюбского „похвала“ — типичный пример такого перерождения прямой характеристики некролога в агиографический панегирик (стр. 395—397, 403). В начальной своей части панегирик этот еще напоминает некролог обычного типа; автор подробно останавливается на характеристике Андрея как церковного строителя; много и с большим знанием дела говорит, как украсил и „удивил“ Андрей построенные им церкви и в Боголюбовом и во Владимире (здесь сквозь „похвалу“ пробивается неподдельное увлечение автора архитектурными деталями построек Андрея). Эта „документальная“ линия у автора, однако, тут же и обрывается, уступая место „похвале“; автор переходит к подробному перечислению христианских добродетелей князя: „не помрачи ума своего пьянством“, „кормитель бяшеть чернцем и черницам и убогим“, „всякому чину яко възлюбленный отець бяшеть“ и проч., рассказывает, что князь Андрей имел обычай по ночам ходить в церковь: здесь он сам, не прибегая к посторонней помощи, зажигал свечи и в одиночестве молился; рассказывает и о другом обычае князя — ежедневно приказывал он возить по городу „брашно и питье разнoличное“ и раздавать его больным и нищим; никогда ни в чем не отказывал он всякому приходящему к нему с нуждою; подавая милостыню, так всегда говорил сам себе: „Еда се есть Христос пришед испытать мене?“; — утверждает, что князь Андрей, всегда любя „нетлененая паче тленных и небесная паче времененых“, добровольно принял мученический венец, подражая „братома благоумныма святыма страсотерпцема“ (Борису и Глебу). Для характеристики того направления, в каком перестраивался традиционный некролог в составе повести, в особенности показательна заключительная часть „похвалы“ Андрею Боголюбскому: здесь уже налицо все признаки типично агиографического „апофеоза“ — цветистая фразеология (князь Андрей сравнивается со „звездой светоносною помрачаемою“, с солнцем „прекрасным“, лучами своими освещающим всю вселенную — „усток и полдне и запад“); появляются формулы церковного акафиста („Радуешься, Андрею княже великий, дерзновенье имея ко всемогущему...“), — наконец, в финале, даже молитвы к нему („Ты же, страсотерпче, молися ко всемогущему богу о племени своемь и о сродницех, и о земле Руськой, дати мирови мир“, „молися помиловати братью свою, да подасть [бог] и победу на противные, и мирную державу, и царство чество и многолетно“).

¹ „Плач“ — деталь, известная уже и некрологу; см. некролог Романа Ростиславича, где приведен и самый плач вдовы покойного: „Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину тебе наречено имя Роман, всею добродетелею сын подобен ему...“ (стр. 417—418).